

М.Н. Балдано
А.Ц. Дашеева
Е.В. Дятлова*

КИТАЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЛЕСНОЙ ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ: ДЕЛОВЫЕ ПРАКТИКИ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-3
УДК 94(47)+322

Выходные данные для цитирования:
Балдано М.Н., Дашеева А.Ц., Дятлова Е.В. Китайские предприятия в лесной экономике Сибири: деловые практики и местное население // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 36–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-03.pdf>

M.N. Baldano,
A.Ts. Dasheeva
E.V. Dyatlova*

CHINESE ENTERPRISES IN THE TIMBER ECONOMICS OF SIBERIA: BUSINESS PRACTICES AND THE LOCAL POPULATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-3

How to cite:
Baldano M.N., Dasheeva A.Ts., Dyatlova E.V. Chinese Enterprises in the Timber Economics of Siberia: Business Practices and the Local Population // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 36–48.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-03.pdf>]

Abstract. Throughout post-Soviet history, society has maintained a steady interest in the entrepreneurial activities of Chinese migrants. Many stereotypes and ideologized assessments are observed in the area of participation of Chinese migrants and Chinese investments in forestry. Primary industrial processing of the forest is most economically efficient near the place of its extraction, in small, often remote villages – already existing or specially created. This inevitably includes Chinese businesses and their Chinese personnel in complex, sometimes conflicted, relationships with local, small and relatively closed communities with extremely limited resources to exist. Chinese enterprises can be assessed by local residents either as an additional resource, or as an attempt on their resources and the usual way of life. In addition, different groups of local residents may have different interests in this matter, respectively – different models of attitude, which can also provoke conflict situations. Therefore, studying the problems associated with the Chinese forest business is important, relevant and scientifically significant. The article shows on separate examples what practices of economic activity and social interactions are formed in the process of formation and development of the industrial forest business of Chinese entrepreneurs, what is the reaction to them in the host communities of villages, working towns, small cities.

Keywords: Chinese migrants, unloading and sorting station, timber business, investment project, Chinese sawmill, host side.

* **Марина Намжиловна Балдано**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: histmar@mail.ru

Marina Namzhilovna Baldano, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: histmar@mail.ru

Александра Цыдендамбаевна Дашеева, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; заведующая Центром дополнительного образования и тестирования, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: a.dasheeva@yandex.ru

Aleksandra Tsydendambaevna Dasheeva, Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: a.dasheeva@yandex.ru

Елена Викторовна Дятлова, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: dyatlovae@mail.ru

Elena Viktorovna Dyatlova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: dyatlovae@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (№ 121031000243-5).

The article was made on the topic of the state assignment “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)” (№ 121031000243-5)

The article has been received by the editor on 03.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На протяжении постсоветской истории в обществе сохраняется устойчивый интерес к предпринимательской деятельности китайских мигрантов. Много стереотипов и идеологизированных оценок наблюдается в области участия китайских мигрантов и китайских инвестиций в лесном хозяйстве. Первичная промышленная переработка леса экономически наиболее эффективна рядом с местом его добычи в небольших, зачастую отдаленных поселках, уже существующих или специально созданных. Это неизбежно включает китайские предприятия и китайский персонал в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местными немногочисленными и сравнительно замкнутыми сообществами, имеющими крайне ограниченный набор ресурсов для существования. Китайские предприятия могут оцениваться местными жителями или в качестве дополнительного ресурса, или как покушение на их ресурсы и привычный уклад жизни. Кроме того, у различных групп местных жителей могут быть в этом вопросе разные интересы, соответственно различные модели отношения, что также может провоцировать конфликтные ситуации. Поэтому изучение проблем, связанных с китайским лесным бизнесом, актуально и научно значимо. В статье на отдельных примерах показано, какие практики экономической деятельности и социальных взаимодействий формируются в процессе становления и развития промышленного лесного бизнеса китайских предпринимателей, какова реакция на них у принимающих сообществ сел, рабочих поселков, небольших городов.

Ключевые слова: китайские мигранты, разгрузочно-сортировочная база, лесной бизнес, инвестиционный проект, китайская лесопилка, принимающее сообщество.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023 г.

Введение. Деятельность китайских предприятий и китайских предпринимателей в лесном хозяйстве востока России – популярный сюжет в отечественных масс-медиа и Интернете. Это важная составная часть дискуссий (прежде всего, пропагандистских) вокруг значения экономических связей с Китаем для российской экономики, государства и общества, их возможных перспектив уже в недалеком будущем. Напряженность дискуссиям придает их место на пересечении нескольких чрезвычайно болезненных тем: проблемы трансграничных миграций и мигрантов, наследие конфликтного прошлого в межгосударственных взаимоотношениях, не изжитые до конца страхи перед экономической и геополитической экспансией, нарастающая экономическая и политическая зависимость от КНР, экологические проблемы.

Устойчивый интерес к предпринимательской деятельности китайских мигрантов нельзя назвать доброжелательным, во многом он является частью общего настороженного отношения к китайской миграции. Много стереотипов и идеологизированных оценок наблюдается в области участия китайских мигрантов и китайских инвестиций в лесном хозяйстве. Здесь господствуют мемы «китайцы вырубают наш лес» (102 тыс. упоминаний в Яндексе), «китайцы воруют наш лес» (372 тыс.).

Китайский бизнес в лесной отрасли прошел две стадии. На первой полностью господствовали скупка и экспорт леса – как правило, необработанного («лес-кругляк»). На второй стадии все чаще практикуется переработка круглого леса непосредственно на месте добычи и экспорт готовой продукции – от пиловочника до технологической щепы и иногда древесного угля. Это предполагает переход от торгово-финансовых операций к промышленному

производству, а значит, к сравнительно долговременным инвестициям, использованию техники, вложениям в инфраструктуру и, конечно, правовому урегулированию права добычи, переработки и экспорта леса. Необходим наем рабочей силы – местной или китайской, решение массы связанных с этим правовых проблем и задач создания социальной инфраструктуры.

Первичная промышленная переработка леса экономически наиболее эффективна рядом с местом его добычи, следовательно, в небольших, зачастую отдаленных поселках, уже существующих или специально созданных. Это неизбежно включает китайские предприятия и китайский персонал в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местными немногочисленными и сравнительно замкнутыми сообществами, имеющими крайне ограниченный набор ресурсов для существования. Китайские предприятия могут оцениваться местными жителями или в качестве дополнительного ресурса, или как покушение на их ресурсы и привычный уклад жизни. Кроме того, у различных групп местных жителей могут быть в этом вопросе разные интересы, соответственно различные модели отношения, что также может провоцировать конфликтные ситуации.

Поэтому изучение проблем, связанных с китайским лесным бизнесом, актуально и научно значимо не только с точки зрения экономики. Чисто экономический аспект проблемы (масштабы и структура инвестиций, их экономическая эффективность, роль в экономике региона и т.д.) не является предметом нашего анализа¹. Скупка и экспорт леса, интенсивные и нервные дискуссии на тему «китайцы увозят наш лес», проблема теневых и коррупционных практик также являются отдельным самостоятельным предметом анализа.

Мы попытались сделать работу микроуровня в жанре case-study, нам важно на отдельных примерах посмотреть, какие практики экономической деятельности и социальных взаимодействий формируются в процессе становления и развития промышленного лесного бизнеса китайских предпринимателей, какова реакция принимающих сообществ на появление нового элемента в их жизни. Локальный сюжет о «китайских лесопилках» (небольших лесоперерабатывающих предприятиях с китайским капиталом, менеджментом, техникой и рабочей силой) может дать некоторое представление о том, что происходит в «третьей России» (по замечательной метафоре Н. Зубаревич²), о механизмах и результатах взаимодействия трансграничных мигрантов и принимающих сообществ сел, рабочих поселков, небольших городов.

Роль китайских предприятий в лесном хозяйстве региона. Процесс формирования и деятельности лесоперерабатывающих предприятий с участием китайских инвестиций, менеджмента и рабочей силы можно изучать только с учетом того, что с 1990-х гг. Китай является крупнейшим импортером сибирского и дальневосточного леса. Вряд ли будет ошибочной оценка, что огромный платежеспособный спрос Китая на российский лес спас от деградации лесную отрасль экономики восточных регионов России. С другой стороны, это спровоцировало массивную кампанию в медиа, политических и идеологических кругах под слоганом «Китайцы вырубают наш лес»³.

¹ См.: *Алексеев П.В.* О направлениях развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества // *Мировая экономика*. 2019. № 2. С. 169–172; *Зуенко И., Иванов С., Савченко А.* Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 11. С. 105–113; *Грибова С.Н.* Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // *Пространственная экономика*. 2008. № 4. С. 139–152.

² *Зубаревич Н.* Четыре России // *Ведомости*. 2011. 30 дек.

³ *Сливак В.* Великая китайская вырубка. Что реально угрожает сибирскому лесу? 28.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (дата обращения: 16.01.2023); В СМИ пишут, что китайские компании захватили сибирские леса и вырубают их для экспорта. Что происходит на самом деле? [Электронный ресурс]. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2019/03/15/kitaj-vyrubaet-lesa-rossii-jeto-pravda-da-no-ne-sovsem/> (дата обращения: 16.01.2023).

Не ставя перед собой задачи анализа всего комплекса реальных проблем⁴, вокруг которых и сформировался огромный клубок мифов и фобий, выделим одно важное для нашего исследования обстоятельство. На первых порах китайскими предпринимателями скупался, экспортировался и подвергался глубокой переработке в Китае необработанный лес («кругляк»). Для исправления ситуации в 2007 г. российское правительство ввело новые тарифы на экспорт необработанной древесины: они выросли с 6,5 до 20 %, а годом позднее увеличились еще раз – до 25 %. В некоторых случаях пошлины на необработанный лес теперь достигают 80 %⁵.

В результате после некоторого первоначального спада экспорта в его структуре стала резко возрастать доля в той или иной степени обработанного леса. В 2017 г. на лес-кругляк приходилось всего 35 % российских поставок леса в Китай. В выгодную и необходимую теперь работу по обработке леса включились как существовавшие ранее предприятия, так и масса вновь создаваемых, различающихся масштабами деятельности и источниками инвестиций. Заметное место среди них заняли предприятия с китайскими инвестициями, собственностью, менеджментом, персоналом и технологиями.

При всем многообразии вариантов китайских лесообрабатывающих предприятий (по юридическому статусу, размерам инвестиций, масштабам и формам деятельности, менеджменту, составу персонала и т.д.) можно выделить два основных типа: крупные компании с полным циклом добычи и переработки леса и мелкие лесопилки, занятые только первичной обработкой. Масштабы деятельности определяют и существенные различия в их внутренней организации и характере взаимоотношений с принимающим обществом. Можно предположить, что и лесопилки, и сравнительно крупные зарегистрированные предприятия отличаются друг от друга по многим параметрам: рубка леса или только его скупка, уровень переработки, использование китайских технологий и рабочей силы, масштабы деятельности, юридический статус, практики взаимоотношений с местным населением и властями. До сих пор это чрезвычайно слабо описано в исследовательской литературе, поэтому изучение отдельных кейсов для последующей их систематизации и сравнения – дело важное и необходимое.

Типы предприятий: крупные комплексные компании. Сравнительно крупные китайские инвестиционные проекты в лесную промышленность почти не привлекают внимания масс-медиа и не становятся объектом исследовательского внимания. В то же время их численность за 2008–2017 гг. выросла со 152 до 564⁶. Такая динамика делает их значимым фактором экономики и общественной жизни Сибири и Дальнего Востока, важным элементом взаимоотношений китайцев и местного населения.

Крупные инвестиции предполагают долговременную стратегию по созданию предприятий замкнутого цикла: получение в аренду крупных лесных массивов, вырубку леса собственными силами (что предполагает обязательства по лесовосстановлению), строительство инфраструктуры (отдельный жилой поселок, лесовозные дороги, иногда ремонт или даже строительство дороги общего пользования), полностью китайский персонал, глубокую промышленную переработку леса на месте, китайскую технику, собственный транспорт, самостоятельные экспортные операции.

Это очень похоже на крупные сельхозпредприятия на Дальнем Востоке, полностью основанные на капитале, менеджменте и труде китайцев, описанные С.А. Ивановым

⁴ См.: Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай...; Сидорова М., Трифонова П. Китай наращивает присутствие в ЛПК России // Лесная индустрия. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_narashivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (дата обращения: 16.01.2023); Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 26–30.

⁵ Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. № 756 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/58048700> (дата обращения: 16.01.2023).

⁶ Сливак В. Великая китайская вырубка...

и И.Ю. Зуенко⁷. Как и там, создаются замкнутые автономные поселения, предполагающие сведение до минимума пересечение интересов. Это означает также информационную замкнутость, минимальную доступность повседневной деятельности предприятия от исследовательского внимания.

Поэтому так важна возможность проведения полевых исследований, особенно долгосрочных. Соавтор данной работы Александра Дашеева получила редкую возможность наблюдать за деятельностью такого предприятия в ходе сравнительно долгосрочных деловых взаимоотношений. Некоторое время она работала в качестве приглашенного преподавателя и переводчика китайского языка у китайских рабочих разгрузочно-сортировочной станции Аленгой в Красночико́йском районе Забайкальского края («Транс-Сибирская лесная компания – Чита»).

Будучи заведующей Центром дополнительного образования и тестирования Бурятской ГСХА им. В.Р. Филиппова, сертифицированным тестером, она познакомилась с руководителем этого предприятия Ци Дэцзяо в г. Маньчжурия на международном форуме руководителей образовательных учреждений Китая, России и Монголии в 2016 г. Там договорились, что Центр тестирования будет принимать комплексный экзамен⁸ у персонала предприятия. С 2016 г. группы рабочих привозили в Улан-Удэ для сдачи экзаменов. Но практика показала, что большинство плохо говорят по-русски. Поэтому решили, что Центр тестирования организует выездные курсы для подготовки к комплексному экзамену. В результате всего прошли экзамен в центре тестирования в 2016 г. – 94 чел., в 2017 г. – 76 чел., в 2018 г. – 100 чел., в 2019 г. – 64 чел., в начале 2020 г. – 15 чел.

Параллельно в 2016–2020 гг. велось полевое исследование, в ходе которого, помимо включенного наблюдения и собеседований с экзаменуемыми, было взято 15 интервью, в том числе у главного китайского инвестора, четырех директоров, постоянно проживающих на территории базы, двух переводчиков, главного повара и рабочих. Также были привлечены материалы местных газет и интернет-форумов. Авторы отдают себе отчет в том, что сотрудничество с компанией, анализ, основанный на интервью с его владельцами, служащими и рабочими, наблюдения за жизнью поселка компании могут сформировать (и наверняка сформируют) односторонний взгляд на проблему, китайскую трактовку ситуации. Совершенно очевидно, что не хватает источников с российской стороны. Тем не менее возможность посмотреть на закрытую жизнь китайского предприятия чрезвычайно ценна.

Общество с ограниченной ответственностью «Транс-Сибирская лесная компания – Чита» считается одним из крупнейших лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий Забайкальского края. Оно было зарегистрировано 9 августа 2005 г. в Красночико́йском районе Забайкальского края. Размер уставного капитала 20 млн руб. Учредителем является общество с ограниченной ответственностью «Большой Хинган Синлинь – Забайкальский». Китайские инвесторы взяли 250 000 га в долгосрочное пользование. За 2006–2012 гг. «ТСЛКЧ» перечислила в федеральный бюджет 25 млн руб., в субъект федерации – 32 млн. Плюс НДС/ФЛ – арендная плата за землю – около миллиона в год в бюджет района⁹.

Финансовые результаты деятельности компании не отличались стабильностью. Чистая прибыль, достигнув пика в 2019 г. (35 630 тыс. руб.), ушла в минус в 2020 г. (убытки 3 834 тыс. руб.). В 2021 г. убытки составили 38 637 тыс. руб.¹⁰ Скорее всего, это результат

⁷ Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел Приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 120–127; Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного Института. 2015. № 2. С. 51–59.

⁸ С введением Федерального закона от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» для получения патента в России, сертификата для временного проживания и разрешения на работу мигранты должны сдать экзамены по русскому языку, истории России и основам законодательства в устной и письменной форме.

⁹ Романова Е. Живущие в кедровнике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/text/ecology/2012/12/18/70871165/> (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁰ База данных «Контрагент»: Отчетность компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.k-agent.ru/catalog/7536062675-1057536095143> (дата обращения: 16.01.2023).

кризиса отрасли из-за ковидных ограничений, особенно при пересечении границы людьми и товарами. По некоторым сведениям, в этом году предприятие свернуло производственную деятельность, а большая часть персонала была эвакуирована.

Основной вид деятельности по уставу – распиловка и строгание древесины. Дополнительные виды деятельности: 1) лесоводство и прочая лесохозяйственная деятельность; 2) лесозаготовки; 3) предоставление услуг в области лесоводства и лесозаготовок; 4) производство пиломатериалов, кроме профилированных, толщиной более 6 мм; производство непропитанных железнодорожных и трамвайных шпал из древесины; 5) производство древесины, пропитанной или обработанной защитными или другими веществами; 6) предоставление услуг по пропитке древесины; 7) производство шпона, фанеры, деревянных плит и панелей; 8) производство прочих деревянных строительных конструкций и столярных изделий; 9) производство прочих деревянных изделий; 10) производство прочих химических органических основных веществ; 11) торговля розничная пиломатериалами в специализированных магазинах.

В 2017 г. компания запустила цех по производству древесного угля (топливных брикетов) для экспорта в Китай. Открывали цех заместитель председателя правительства – министр экономического развития Забайкальского края Сергей Новиченко и министр международного сотрудничества и внешнеэкономических связей региона Алексей Дроботушенко. При выходе на проектную мощность ежегодный объем перерабатываемых древесных отходов должен был составить 45–50 тыс. т. Объем производства древесного угля – 1,5 тыс. т в год¹¹.

Производственная деятельность компании сосредоточена в разгрузочно-сортировочной базе Аленгой. Китайские менеджеры называют ее поселком. Она расположена в 300 км от железнодорожной станции Хилок. Половина пути проходит по хорошо оборудованной трассе, вторая – по временной дороге, построенной компанией. По словам администратора, по ней могут проехать не всякие машины, так как она иногда бывает размыта, но дорога постоянно ремонтируется и улучшается.

По словам инвестора Ци Дэцзяо, он вложил в базу 180 млн руб. Это настоящий производственный городок, построенный компанией посередине тайги. Административная часть и главная площадь огорожены, возведены ворота, где большими буквами приветствуют гостей компании. На прямых улицах расположены административный корпус, шесть капитальных общежитий для рабочих и конторских служащих, столовая, баня. Рядом склады, цеха, 32 теплых бокса для техники, котельная, пилорама. Энергию для бытовых нужд получают от солнечных батарей и ветровых электростанций. Все здания одноэтажные. Везде абсолютная чистота, клумбы с цветами, на зданиях таблички.

При входе в административное здание большие портреты Си Цзиньпина и В.В. Путина, лозунг «Работаем для народа». Там находится офис руководства, общежитие администраторов, комнаты для гостей. Небольшие одноместные комнаты общежития оборудованы мебелью ручной работы. Имеется Wi-Fi роутер, но пользоваться Интернетом можно только там и не всем. Связь спутниковая. В умывальной комнате две стиральные машины, которыми могут пользоваться все жители поселка. В отдельном доме постоянно работает баня. Общежития для рабочих менее благоустроены. Небольшие темные и холодные комнаты на двоих человек оборудованы сколоченными нарами и маленькими столами. Окна затянуты полиэтиленовой пленкой. Поскольку здание не утеплено, то пленкой обтянуты и стены.

Вечером после смены рабочие играют в мацзян (разновидность китайского домино), слушают музыку или смотрят телевизор. Обычно это происходит в столовой. Там питаются все, но руководителям готовят отдельно и подают в малом зале. В штате компании несколько поваров. В большом огороде с теплицами выращиваются огурцы, помидоры, лук, редис и другие овощи. Ежегодно сажают картофель, который хранится в подполье под общежитием. Продукты питания закупаются в Чите, иногда – в Улан-Удэ.

¹¹ Бумагин С. Древесный уголь для экспорта в Китай начали производить в Забайкалье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/news/109150/> (дата обращения: 16.01.2023).

Готовят исключительно китайскую кухню. Ко времени приема пищи повар накрывает стол с обязательными пампушками и рисом в качестве гарнира. Всегда на столе холодные закуски или универсальные салаты. Универсальные они потому, что китайцы едят их на завтрак, обед и ужин. Одним из распространенных блюд считаются обжаренные с яйцом помидоры. На завтрак готовятся жиденькие каши, скорее кашицы: рисовая, иногда сдобренная постным мясом с яйцом, пшенка и т.д. Часто на обед готовят суп с тофу. Каждый может зайти на кухню и положить добавку. После еды надо помыть за собой посуду. При входе в столовую стоит большой таз с водой, которую часто меняют, где моют руки перед едой.

Китайцы завтракают и обедают быстро, сразу после еды уходят на работу. База представляет собой единую четкую организацию, где люди живут одной жизнью. Все расписано по времени и каждый знает, что должен делать и чем заниматься. Как отметил российский журналист, «трудятся они споро, без долгих раскаток и перекуров, чуть свет начинают и дотемна работают»¹². Инвесторы проживают в Китае, но часто приезжают для контроля. На базе постоянно проживают руководители среднего звена, все приезжают без семей.

Рабочие здесь не трудятся круглогодично: сезон начинается в октябре, а заканчивается в мае. Работают бригадами. Приезжают рабочие группами по 10–15 чел., как правило, из одной деревни. Работают в основном мужчины. Большинство рабочих немолоды, но находятся в достаточно трудоспособном возрасте. Их основная масса (80 %) уже бывала в России, некоторые работают в этой компании несколько лет на сезонных заработках. При сдаче экзамена мы заметили, что пять человек имели фамилию Цуй. Оказалось, что это родные братья и сестры. Ранее они изучали русский язык в школе и уже давно приезжают в Россию на подработку, так как считают, что за полгода могут заработать больше, чем на родине. Из 100 опрошенных китайцев все – выходцы из деревень, не имеют высшего образования. 65 % опрошенных – из провинции Хэйлунцзян, 25 % – из автономного района Внутренняя Монголия, остальные – из провинции Цзилинь. Рабочие уклонялись от ответов на вопросы о размере оплаты, но отмечали, что она зависит от вида работ, и здесь она выше, чем на родине. На деляне в лесу зарплата выше, но работа тяжелее.

Опыт Аленгоя, динамика инвестиций в крупные лесоперерабатывающие предприятия в России показывает, что китайские предприниматели считают такой бизнес выгодным, несмотря на очевидные риски и трудности. Получить в долговременную аренду лесосеку очень непросто, и это требует доверительных отношений с властями как минимум регионального уровня. Крупные инвестиции в инфраструктуру, оборудование делают такие предприятия уязвимыми в случае неблагоприятной экономической или политической конъюнктуры в Китае и России. Неустойчивая динамика прибылей и убытков рассматриваемой компании демонстрирует это. Но риск оправдывается долговременным и легальным доступом к лесному ресурсу, стабильностью поставок, возможностью устойчивого контроля над частью рынка.

Типы предприятий: «китайские лесопилки». Типовая «китайская лесопилка», т.е. небольшое лесоперерабатывающее предприятие, выглядит следующим образом:

– Она принадлежит китайскому инвестору, но не обязательно зарегистрирована на его имя. Широко распространена практика подставных лиц.

– В отличие от полного и замкнутого цикла крупных предприятий, это часть производственной цепочки. Она не занимается самостоятельной вырубкой леса, скупая древесину у легальных и «черных» лесорубов. Готовую продукцию сбывает крупным (китайским же) экспортерам. Это включает проблему логистики (нанять лесовозы) и оформления документов на лес, особенно купленный у «черных» лесорубов. Предпосылкой успеха являются устойчивые отношения с поставщиками леса и местными властями – с одной стороны, и экспортерами – с другой. Поэтому часто владельцами становятся мелкие предприниматели, имеющие опыт торговли в России. Часть их капитала – знание русского языка, реалий российского типа бизнеса, связи, устойчивый правовой статус. Зачастую они

¹² Суходолин Е. С проверкой в Улелей... URL: <https://www.chita.ru/review/58469/> (дата обращения: 16.01.2023).

совмещают торговый бизнес и лесопилку. Поэтому хозяин прежде всего инвестор и посредник во взаимоотношениях с властями, продавцами леса, экспортерами. Ему важно не ошибиться при найме китайского персонала. Собственно технологическим процессом и устройством жизни (жилье, питание, быт, повседневные отношения с местными) руководит нанятый специалист-китаец.

– Производство несложной продукции (доска, брус), достаточной для обхода таможенных барьеров. Это создает проблему массы отходов, для переработки которых требуется сложное и дорогое оборудование, вообще другой уровень бизнеса.

– Используется китайское оборудование и сравнительно квалифицированные китайские рабочие. Это вопрос именно квалификации, а не стоимости рабочей силы (на китайский персонал расходы могут быть больше, учитывая проблемы натурализации).

– Доступность для сравнительно небольшого бизнеса – стоимость оборудования (от 500 тыс. руб., что можно уменьшить за счет лизинга), плюс оплата труда 5–20 рабочих. Конечно, накладные расходы, особенно при оформлении продукции из незаконно вырубленного леса¹³.

– Мобильность: минимум капитальных вложений (нет потребности в капитальных строениях и инфраструктурных сооружениях типа лесовозных дорог), компактное и сравнительно ликвидное оборудование.

В силу не очень определенных условий институционализации лесопилок, практики использования подставных лиц, небольших размеров и дислокации в глухих местах определить их численность очень трудно, если вообще возможно. Этому же способствует их мобильность, стремительный характер возникновения и исчезновения. Это делает бизнес динамичным и готовым к высокому уровню риска – в первый год исчезает до 70 % предприятий. В многочисленных медиакомментариях счет идет на тысячи, при этом источники для таких оценок или методики их получения не указываются¹⁴. Однако о порядке цифр может косвенно свидетельствовать журналистское расследование «Комсомольской правды» в городе Канске¹⁵. Только в одном этом 80-тысячном городе в Красноярском крае работало одновременно около 200 китайских лесопилок.

Это расследование, вызванное грандиозным пожаром на незаконных свалках древесных отходов, выявило довольно много проблем, связанных с деятельностью китайских лесопилок. По оценке чиновников городской администрации, почти все они зарегистрированы в Красноярске или Иркутске. Скупка и последующая распиловка древесины не требуют от них специальной лицензии. Существовавшие до их прихода аналогичные предприятия местных промышленников разорились в результате демпинговой кампании китайских конкурентов. Степень переработки леса самая поверхностная – бревна распиливаются на доски, что автоматически снижает таможенные пошлины. В результате около половины древесины идет в перерабатываемые отходы, свалка которых и стала причиной грандиозного пожара. Такая ситуация невозможна без небескорыстного покровительства контролирующих органов. После пожара заезжие следователи обнаружили неучтенной древесины на 68 млн руб., что говорит о масштабах скупки незаконно вырубленного леса, что также невозможно без тесного коррупционного сотрудничества с властями.

Контакты и конфликты с местными сообществами. Характер деятельности крупных и мелких «китайских лесопилок», их дислокация в мелких таежных поселках и небольших городках, использование такого важного для местного населения ресурса и среды обитания, как лес, неизбежно включает их в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местным населением. Классический сюжет: «чужак» (трансграничный мигрант, выделенный и внешне, и языком, манерой поведения, стилем жизни) в небольшом, сравнительно замкнутом деревенском сообществе, где сохраняются рудименты общинности, особенно

¹³ Скачайте полный бизнес-план пилорамы и получите доход 20 млн руб. [Электронный ресурс]. URL: www.bi-plan.ru/BIZNES_PLAN_PILORAMY/ (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁴ Эксперт. 2018. № 27.

¹⁵ Комсомольская правда. 2017. 7–8 авг.

в бурятских селах. Это потенциальный претендент на небольшой и ограниченный ресурс сообщества. С другой стороны, китайские лесопилки могут оцениваться и в качестве дополнительного ресурса. Их функционирование немыслимо без тесных, часто неформальных взаимоотношений с региональными и местными властями, что может сделать их поводом и инструментом во внутренних противостояниях. На формирование взаимоотношений влияет многолетняя интенсивная пропагандистская кампания: «китайцы уничтожают наши леса и воруют наше лесное богатство».

Особенно важно рассмотреть ситуацию, когда трансграничные мигранты появляются в небольшом поселении не индивидуально, а в составе организованного коллектива, автономной хозяйствующей единицы, что делает их роль в сообществе более заметной и важной, а возможные конфликты более острыми и значимыми по последствиям. Между тем изучение мигрантской проблематики сконцентрировано на поле крупных городов, что понятно и объяснимо. Именно там концентрируется подавляющая часть трудовых мигрантов, там формируются и развиваются их социальные сети, структуры, формальные (НКО) и неформальные институты (например, «этнические» кафе и больницы). На крупные города ориентирована уже сложившаяся инфраструктура (прежде всего государственная) взаимоотношений с мигрантами. Их интенсивная жизнь в Интернете – тоже там. В конце концов, там их удобнее изучать («под фонарем»).

Наличие двух типов китайских лесопилок может определять и разные модели взаимоотношений. *Случай «Аленгоя» как пример крупного инвестиционного проекта* показывает осознанное стремление избежать конфликта с местными сообществами. Получение крупной лесосеки в долговременную аренду говорит о хороших связях с региональными властями, озабоченными проблемами экономического развития депрессивного края. Отчисления в местный бюджет, ремонт дороги общего пользования, финансирование местных социальных проектов (на 4,2 млн руб.) – все это успешные способы завоевать расположение местных властей. Лес вырубается и восстанавливается в соответствии с правилами, что зафиксировала не только комиссия местных чиновников, но и группа специально прибывших издалека общественников-экологов. Производится глубокая переработка леса, что исключает захламленность отходами и опасность пожаров. Китайский персонал оказывает помощь в их тушении. Персонал живет в отдельном, полностью изолированном поселке, что сводит к минимуму поле конфликтных ситуаций на бытовом уровне. На вырубку леса нанято несколько бригад из местных рабочих. И тем не менее подспудный конфликт сформировался, о чем свидетельствует само создание специальной комиссии. Интересен здесь характер обвинений – незаконная охота и рыбная ловля, рубка кедра, имеющего символическое значение¹⁶.

Аналогичный проект в Закаменске (Республика Бурятия) интенсивно поддерживался республиканскими властями. Они рассчитывали на большие инвестиции (753 млн руб.) со стороны солидной и проверенной китайской компании, налоги и отчисления в бюджет, 200 рабочих мест для местных жителей, развитие инфраструктуры. Однако уже согласованный проект не состоялся, так как натолкнулся на массовые и решительные протесты местных жителей: петиции, народный сход, организованные акции в Улан-Удэ. Интересны мотивы протестующих: священные родовые места нельзя отдавать китайцам, тайга – это кормилица, которую необходимо всячески охранять. Тайга рассматривается не как источник древесины, а как жизненно важная среда обитания. «Мы хотим предотвратить варварскую вырубку леса», «Закаменские без нужды лес не рубят, грех...», «Нам надо всем народом встать на защиту прекрасной горной Закамны и нашей тайги», «Мы этим лесом питаемся, лес нас кормит. Орех в самый урожайный момент дает столько денег, что на год можно обеспечить семью. Люди добывают орех, продают его и имеют возможность купить даже квартиру, машину. В лесу у нас растет черемша, грибы, целые плантации земляники, смородины и других ягод. В 90-е годы, когда жители в Закаменске вынуждены были есть комбикорм от голода, только тайга нас спасла. Теперь мы в долгу перед ней», «Люди верят,

¹⁶ Романова Е. Живущие в кедровнике...

что здесь обитают духи этих мест, которые оберегают население. Это душа нашего района, а мы являемся ее детьми. Для нас это табу, никто не имеет права трогать эти земли, будь это простой житель, чиновник или бизнесмен»¹⁷.

Типовая «китайская лесопилка». Небольшое предприятие может располагаться только в существующем поселке, арендуя сравнительно небольшой участок земли (15–20 соток). Китайское оборудование предполагает использование китайского персонала как более квалифицированного, а значит и его постоянное пребывание в поселке, где невозможно изолированное существование. Абсолютно необходимы взаимовыгодные отношения с местными властями и поставщиками леса. Неизбежно формируются отношения конкуренции или сотрудничества по отношению к лесу и рабочим местам, а также возможность бытовых конфликтов.

Случай Канска. Здесь пожары, вызванные захламенностью города отходами «китайских лесопилок», вызвали скандал и отклик в московской прессе. Расследование выявило и явные признаки коррупции местных властей. Бравшие интервью журналисты отмечали, что пожар отношения к китайцам не улучшил. Однако это не перешло в противостояние – большая часть населения «кормится с китайских денег» и осознает это. Возможно, конфликт принял большие масштабы и вышел в широкое информационное поле в результате борьбы местных группировок элиты за власть.

Случай бурятского села Бильчир Иркутской области. Местное население во многом жило за счет вырубki (легальной и нелегальной) леса и продажи его на лесопилку, где работало около сорока китайцев. Эта экономическая взаимозависимость не помешала формированию атмосферы раздражения и неприязни к китайцам. «Нагло себя ведут, по-хозяйски, наших девочек лапают, ядовитые химикаты используют», «Сами не знаем, как оказались у них в рабах. Обидно-то как! Ладно бы хоть свои барыги – буряты или там русские. Эти хоть все-таки с пониманием, как к людям. Свои же, местные. Китайцы же эти как оккупанты, мы для них никто и звать никак», «У меня муж на пилораме работал. Это каторга. Причем за гроши. Не выдержал, ушел». Напряжение прорвалось огромной дракой, в которой участвовало несколько десятков жителей Бильчира и окружающих сел, использовавших даже «коктейли Молотова». Китайцы отбивались при помощи тяжелых автомашин. Благодаря решительным действиям властей все обошлось сравнительно благополучно – было травмировано всего шесть человек¹⁸.

Случай бурятского села Торы (Бурятия). Различные типы конфликтности, возможно, зависят от величины поселения и уклада жизни его населения. Однако полевое исследование, проведенное О.А. Шаглановой в бурятском селе Торы Республики Бурятия¹⁹, позволяет говорить, что здесь нет жесткой взаимозависимости. По ее оценке, совпадающей с результатами многолетних полевых исследований в Торах ученых Института востоковедения РАН под руководством С.А. Панарина²⁰, село оказалось в ситуации тяжелого кризиса после краха колхозно-совхозной системы. Попытки создать на ее обломках жизнеспособные фермерские хозяйства оказались неудачными. Некоторые из них нашли выход в сотрудничестве с китайскими предпринимателями.

¹⁷ Китайцы высказались по вопросу Закаменского леса [Электронный ресурс] // Газета РБ. Новости Бурятии и Улан-Удэ. 2018. 11 мая. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-1684058/> (дата обращения: 16.01.2023); В Бурятии закатилась звезда китайского инвестора [Электронный ресурс] // Номер один. 2021. 10 сент. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/business/103026/> (дата обращения: 16.01.2023); Владимирова Е. Деньги против леса. Как в Бурятии жители, чиновники и китайцы делят тайгу [Электронный ресурс] // Life. 2018. 13 июня. URL: <https://life.ru/p/1124329> (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁸ Островская Н. После драки сибиряки потребовали выгнать из села китайских лесорубов // Комсомольская правда. 2012. 17 июля; Славичева О. Жители села в Иркутской области, где произошла массовая драка с китайцами, хотят выселить их // Комсомольская правда. 2012. 28 июня.

¹⁹ Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция в контексте бурятского села // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ, 2010. С. 59–74.

²⁰ Panarin S.A. The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis // Russian Views of the Transition in the Rural Sector. Washington, 2000. P. 188–201.

Фермеры обеспечивали регистрацию пилорамы «на развитие фермерского хозяйства» на свое имя, а китайцы платили им «за аренду пилорамы». Китайский партнер привозил в село пилораму и бригаду китайских рабочих. Жители села могли заготавливать (законно и незаконно) и сбывать ему лес. По оценке О.А. Шаглановой, «это сотрудничество между наиболее состоятельными людьми сельских поселений и иностранной рабочей силой привело к тому, что самые широкие слои населения оказались так или иначе заинтересованными в лесозаготовительном процессе, который, по своей сути, стал сферой неформальной экономической деятельности, способной удовлетворять нужды различных слоев сельского общества»²¹.

В Торах последовательно работали по несколько лет две китайские бригады. В одной из них персонал работал в пять смен. Самые сложные и требующие высокой квалификации работы выполняли китайские рабочие, но на постоянной или временной основе, прямо или косвенно, на лесопилке было занято до 60 местных жителей. Кроме того, зарабатывали бригады лесозаготовителей, владельцы арендуемой ими и китайцами техники. Персонал отличался высокой дисциплиной и трудолюбием. Были налажены хорошие отношения с населением, в том числе и через продажу по символическим ценам отходов производства. Эта бригада ушла через пять лет деятельности. Пришедшая ей на смену после некоторого перерыва бригада отличалась меньшей организованностью и не такой высокой дисциплинированностью китайского персонала. Но и она обеспечивала прямо или косвенно рабочие места и стабильные заработки многим местным семьям. Обе бригады были прибыльными, но после нескольких лет работы были вынуждены свернуть деятельность под давлением властей или криминализованных конкурентов.

Что касается отношения местного населения к китайцам и их бизнесу, то при определенной культурной отчужденности, отсутствии тесных человеческих взаимоотношений оно определялось пониманием важности сотрудничества. Никакой враждебности, предпосылок конфликта не наблюдалось. Китайцы здесь тоже «чужаки», но полезные и не нарушающие традиционный уклад жизни.

Заключение. Массовое присутствие на востоке России китайских предприятий в лесной промышленности стало свершившимся фактом. И это факт не только экономический, но и социальный, культурный, политический. COVID-19 с его карантинными мерами, особенно жесткими в Китае, нанес бизнесу серьезный удар. Экономический спад привел к уменьшению спроса и падению цен на древесину. Возникли огромные транспортные заторы на границе. Произошел отток китайских экономических мигрантов из-за пандемии, ряд китайских лесопилок закрылся. Но экспорт древесины в Китай не уменьшился, доля обработанной продукции в нем выросла. Можно предполагать, что санкционная ситуация в России и постепенное снятие карантинных ограничений приведут к восстановлению позиций китайского бизнеса в лесобрабатывающей отрасли. Поэтому проблема лесопилок как фактора взаимоотношений в сельских сообществах актуальна.

Господствующая в Интернете картина конфликта и массового сопротивления местного населения (то, что один блогер, перечисляя нередкие пожары на лесопилках и лесных складах, оценивает даже как «партизанскую борьбу») является явно односторонней²².

Приведенные примеры говорят о том, что при взаимной культурной отчужденности и недоверии местных к «чужакам» могут складываться как отношения делового сотрудничества, так и открытого конфликта. Деятельность китайских лесопилок с китайским персоналом в Бильчире и Торах, двух селах с бурятским населением, создала разные модели взаимоотношений с местным населением. Это делает гипотезу об изначальной повышенной конфликтности присутствия групп «чужаков» в небольших сельских сообществах как минимум недоказанной и требующей дальнейшей проработки.

²¹ Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция... С. 63.

²² В Сибири началась настоящая партизанская война? Информация к размышлению. 2019. 16 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://victorvideo.livejournal.com/1445283.html> (дата обращения: 16.01.2023).

Многое зависит от того, находят ли китайские бизнесмены достаточно влиятельных местных партнеров. Масштабы и формы конфликтности будут напрямую зависеть не только от покровительственной политики местных и региональных властей, но и от практической заинтересованности в сотрудничестве влиятельных людей и групп в местных сообществах. Важна также общая политическая и идеологическая ситуация в стране, препятствующая сейчас открытому выражению антикитайских настроений.

Тем не менее почва для конфликта остается. И это не только классические и очевидные причины – современного типа борьба местных жителей за такие ресурсы, как рабочие места и возможность самим распорядиться лесным бизнесом. Как раз здесь существует возможность для взаимовыгодного сотрудничества на основе совместного использования ресурсов. Отчетливо проявляется экологическая риторика, экологические мотивы, требующие сберечь лес. За такой риторикой прямо или косвенно выявляется борьба за лес как таковой. Лес выступает для местных сообществ как символическая ценность и средство выживания через ведение натуральной экономики. Отсюда – до-модерная риторика борцов против любого присутствия китайского бизнеса в сибирской тайге. Конкуренция за древесину отличается от борьбы за право на коллективное обладание лесом.

Литература

Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // *Пространственная экономика*. 2008. № 4. С. 139–152.

Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // *Известия Восточного института*. 2015. № 2 (26). С. 51–59.

Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел Приморского края // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5 (37). С. 120–127.

Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России // *Общество. Среда. Развитие*. 2016. № 1. С. 26–30.

Сидорова М., Трифонова П. Китай наращивает присутствие в ЛПК России [Электронный ресурс] // *Лесная индустрия*. 2016. № 10 (102). URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_naraschivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (дата обращения: 16.01.2023).

Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция в контексте бурятского села // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН*, 2010. С. 59–74.

Panarin S.A. The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis // *Russian views of the transition in the rural sector: structures, policy outcomes, and adaptive responses* / L. Alexander Norsworthy, ed. Environmentally and Socially Sustainable Development Europe and Central Asia Region. The World Bank. Washington: DC, 2000. P. 188–201.

References

Gribova, S.N. (2008). Zabaykal'skiy kray i Kitay v trgovle lesom: novye podhody [Trans-Baikal Territory and China in Timber Trade: New Approaches]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4, pp. 139–152.

Ivanov, S.A. (2015). Kitayskiy kapital kak faktor etnizatsii gorodov i sel Primorskogo kraja [Chinese Capital as a Factor in the Ethnicization of Towns and Villages in Primorsky Krai]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 5 (37), pp. 120–127.

Myasnikov, S.V., An' Jan'hujei (2016). Rossiysko-kitayskoe ekonomicheskoe i politicheskoe partnerstvo. Lesnaya politika Rossii [Russian-Chinese Economic and Political Partnership. Forest Policy of Russia]. In *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. No. 1, pp. 26–30.

Panarin, S.A. (2000). The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis. In *Russian views of the transition in the rural sector: structures, policy outcomes, and adaptive responses*. Washington, DC, pp. 188–201.

Shaglanova, O.A. (2010). Kitayskaya rabochaya migratsiya v kontekste buryatskogo sela [Chinese Labor Migration in the Context of the Buryat Village]. In *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost': sb. nauch. statey*. Ulan-Ude, pp. 59–74.

Sidorova, M., Trifonova, P. (2016). Kitay narashchivaet prisutstvie v LPK Rossii [China is Increasing Its Presence in the Russian Timber Industry]. In *Lesnaya industriya*. No. 10 (102). Available at: URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_naraschivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (date of access 16.01.2023).

Zuenko, I.Yu. (2015). Kitayskoe prisutstvie v sel'skom hozyaystve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [Chinese Presence in the Agriculture of the Far East: Some Aspects of the Problem]. In *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 2 (26), pp. 51–59.